

Илья Муромец и Калин

Ай во славном было городи во Киеви,
Там ведь жил-был старая старыньшина да Илья Муромець,
Илья Муромець был да сын Ивановиць.

Ему придумалось-то съездить во цистó полё;

Как поехал он да позабавитьце

Он тимá-ти ведь дворяньскима забавами:

Пострелять-то он поехал гусей, лёбедей,

Он пернясчатых-то мелких всё он утоцёк.

Он наехал во цистóм-то поли три могущёго богáтыря,

Три того ли он три братёлка Борисьёвых:

Во цистóм-то поли они делят всё красно золото,

Говорит-то Илья да таковы реци:

— Уж вы гой еси, три брата три Борисьёва!

Уж вы дайте-ко вы мне да красна золота.

Говорят-то ёму братьици Борисовы:

— Тебя скоро разлуци́м, стар, со белы́м светом.

Говорит-то казак да Илья Муромець:

— Шьто у старого, у бедного взеть нецёго,

Взеть-то нецёго вам, всё живота ведь нет:

Только есь у мня, у старого всё у седатого,

Що три есь у мня три стрелки всё каленыя;

Я стреляю ети стрелки по белым дням,

Собираю ети стрелки по тёмным ноцям:

По ноцям-то у мня стрелки как свешши́ горят.

Натягат скоро Илья да ведь он тугой лук,

Он спускаёт Илья Муромець всё калену́ стрелу;

Он застрéлил тут трех братьицей Борисьёвых,

Обирал-то он ведь тут злато-сéребро,

А приехал-то ведь тут да в красён Киев-град,

В красён Киев-град приехал, ко князю на ширóкой двор.

Он дарил-то тут ети подароцьки,

Подарил-то злато-сéребро ведь ласковому князю со княгиною,

Со княгиной с Опраксéей с королевисьнёй.

Ишше князю-ту Владимиру ети подароцьки ему всё полюбилисе;

Он отдаривал ведь князь да всё Владимир-от,
Подарил-то ёму шубоцьку-кошулёцьку;
Да потянута шуба всё камцяткой мелкотравцятой,
На Владимире-то шубка как огонь горит.
Тут ведь вси-ти бояра на его розгневались,
На того ли казака всё Илья Муромця;
Тут бояра насказали на Илью князю Владимиру:
— Що ж ты ой еси, ты красно наше солнышко Владимир-князь!
Напилсе ведь Илья всё зелёнá вина;
Он ведь ходит всё по городу по Киеву,
Он волóцит ету шубку за един рукав,
Он волóцит, сам ко шубки приговариват:
— Волоці-тко-се ты шубку за един рукав,
Ай Владимира-та-князя за жёлты кудри!
Опраксею-королевисьню я за собя возьму.

Ишше тут-то князь Владимир пообидилсе;
Приказал-то копать пóдкопы глубокия,
Що глубокия пещеры ёму смёртныя;
Засадил он Илью Муромця с добрым конем.
Тут узнала всё про ето цюдо цюдное
Молода-то ведь княгина Опраксея-королевисьня,
И сама она тому да приросплакалась:
— Що неладно-то Владимир дело сделал-то,
Занапрасно посадил да Илью Муромця:
Насказали всё ёму бояра кособрюхия.

Подкопала она пóдкопы другі ёму,
Она вроди как пещер ёму спасёных,
Уносила всё ему книгу евангельё,
Присылала ёму свешш всё воскояровых;
Що сама-та пила, ела, она кушала,
Она тем же кормила Илью Муромця;
Она так ёго кормила, щобы князь не знал;
Ай добра коня спускали в зелёны лужка,
В зелёны лужка спускали, в шолкову траву.
Ай с того-то всё горя, горя великого
Тут уехало двенадцеть всё богатырей:
В перву голову уехал Самсон Сильния,
Во вторых-то уехал Пересмяка со племянницком,
Тут ишшэ-то как уехал всё Цюрило-свет всё Плénковиць,

Да ишшэ-то тут уехал всё Добрынюшка Никитиць млад,
Да ишшэ да тут уехал всё Олешенька Поповиць млад,
Да ишшэ да тут уехал всё ведь Дунаюшко Ивановиць;
Тут уехали богатыри — не всё ведь мы их знам да как их именём-то звать.

А ишшэ-то с того горюшка великого
Да убилсе тут Добрынюшка Никитиць млад
Он о тот ли о горюцёй о сер камешок:

— Олишили токо Илью-то всё белá свету,
А не буду без ёго да я на свети жить!

Ай прошло-то тому времени не год, не два,
Шьто не год, не два прошло ведь, братцы, да не три года,
Шьто прошло-то тому времени, тому три месяца;
Що прошла-то скоро вестоцька по всей земли,
Що по всей прошла земли по Святоруською;
Да дошла-то ета вестоцька до земли-то до поганья,
Как до той ли до орды, до Золотой земли,
Там ведь жил-то был да всё собака Ка́ин-царь,
Собака Ка́ин-то царь да царь Кали́новиць.
Он заслушал, що нет живого Ильи Муромця;
Подымаецце собака ише Каин-царь,
Ише Каин-от-царь да всё Кали́новиць,
Он со тем ли со своим сынóm с любимым;
За сынóm-то всё идет силушки всё несцётно-то:
Идет сорок-то цярей за им, цяревицей,
Идет сорок королей, всё королевицей;
Ай за кажным за царем да за цяревицём,
Що за кажным королем, за королевицём
Що идет-то ведь силушки по сороку всё тысяцей,
Ай за зётём силы-то идет да цисла-смету нет,
За самим же за собакой царем Каином
Идет силушки за им — да цисла-смету нет.
Тут не вёшна всё вода да розливаласе,
Всё тотарьска-та сила-та подвигаетце,
Ко тому-то всё ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
Що ко тем ли ко церьквам божьím соборным,
Що соборным, к церьквам всё богомольным,
Що ко тем цюдным крестам животворяшшим,
Ай ко тем ли ко манáстырям к спасёным.

Сам выходит царь-собака из белá шатра,
Що собака-та выходит ише Каин-царь,
Ише Каин ведь царь да Калинович,
Ай выходит собака, похваляетце.
Подошла сила ведь за́ верстú за мерную;
Замоглі-то продувать да ветры буйныя,
Замогло́-то пропекать да красно солнышко
От того ли всё от духу от поганого,
От поганого от духу, от тотарьского,
От того ли всё от пару лошадиного.
Говорит-то ведь собака ишше Каин-царь,
Ишше Каин ведь царь да всё Калинович:
— Выходи-тко вы, всё да три тотарина,
Три тотарина вы всё да три поганого!
Вы пишете вы скóре-ко мне-ка грамотку,
Вы пишете мне-ка грамотку да всё вы руськую,
Не пером-то вы пишете, не цернилами,
Не по белой по ербóвой по бумажоцьки, —
Вы по рыту-ту пишете всё по бархату,
Дорогим-то вы пишете сухим красным золотом,
Уж мы как ведь зайдем да в красен Киев-град.

Ишше тут ему тотара отказалисе:

— Мы не знам, не знам писать-то, всё ты Каин-царь,
Всё ты Каин-царь да всё Калинович!
Не умем-то мы писать всё гра́мотки всё руською.

Закрыцял-то тут собака по-звериному,
Засвистел-то тут собака всё по-соловьиному:
— Уж вы гой еси, тотáрева-булановя,
Уж вы ти всё стихари всё получéвныя!

(Писаря, значит, по-ихному),

Вы пишете скоро грамоту тотарьскую,
Ай тотарьску вы грамоту, немецкую,
Ай пишете вы про князя про Владимира:
«Ай мы князя с Владимира мы кожу всё с живá сдерем,
Опраксею-королевисьню мы всё с собой возьмем,
Увезем-то мы всё ей да во свою землю».

Они скоро написали ету грамотку;
Тут пошли-то ведь скорó всё три тотарина;
Ай приходят они ко князю на широкой двор,

С широка́ двора в полаты в белокаменны;

Принесли-то они грамотку тотарьскую.

Говорят-то они князю Владимиру

Всё не руським язы́ком-то, своим они:

— Получай-ко, князь Владимир, скору грамотку

Ай от нашего царя, царя от Каина,

Що от Каина-царя да всё Кали́новича.

Тут как стали скоро распещятывать;

Как по ихной-то всё пало по уцести:

На ту пору-то приехал тут Олешенька всё из циста́ поля,

Попроведать-то приехал всё он князя со княгиною.

Он ведь брал-то скоро грамотку, рассматривал,

Он рассматривал грамотку-ту, всё ведь он процитывал,

Ишше всё-то у тотарина написано:

— Мы зайдем-то ведь мы завтра в красён Киев-град,

В красён Киев мы град ко князю ко Владимиру;

Мы не будём у его отсека́ть да буйной го́ловы,

Мы ведь будём ёго муцить-то мы муками:

У жива́ да мы ведь кожу-ту сдирать будём;

Опраксею-ту мы королевисьню мы с собой возьмем.

Они стали-то цитать, да все заплакали.

Говорит-то князь Владимир таковы слова:

— Уж вы гой еси, тотарява поганья!

Вы мне дайте-ко мне строку да трой́ мне сутоцьки:

Отслужить-то мне обедни со молебнами,

Со молебнами мне да с панафидами.

— Не дайм-то тебе строку́ на три де́ницька.

Тут заплакало-то нашо-то да солнышко,

Да по имени наш да всё Владимир-князь:

— У мян вси теперь в розъезди вси богатыри;

Теперь некому стоять будёт за веру православную,

Православну-ту веру, за божьи́ церькви,

За божьи-ти за церькви́, за золоты кресты,

За золоты-ти кресты-ти стоётъ, за князя, за княгину-ту!

Говорит тут Опраксея таковы реци:

— Уж ты гой еси, ты красно мое солнышко,

— Ишше князь ты всё, Владимир стольнё-киевской!

Уж ты дай-ко рассказать, мне всё поведать-то;

Я ноцесь мало спала, да много во снѣ видяла;

Как Илья-та ведь у нас будто живёхонёк,
Как живёхонёк у нас он, здоровёхонёк.
Говорит-то князь Владимир таковы слова:
— Кабы был у нас Илья кабы живёхонёк,
Не боелись бы собаки царя Каина,
Не розорил бы у нас да красна града Киева,
Не погубил бы у нас да всё божьих церквей,
Не убил бы тогда меня, князя Владимира,
Он не вырубил тогда бы всё со старого до малого!

Говорила Опраксея-королевисьня:

— Я скажу-ту всё тебе, правду поведаю:
Занапрасно посадил ты Илью Муромця;
Сохранила я ёго от смерти от голодныя;
Я поила-то ёго, корьмила всё любым куском,
Я тайком-то от тебя только, Владимир-князь.
Ты простишь ли теперь меня в такой вины?
— Тебя бог простит, всё Опраксея-королевисьня!
Да пойдём-ко мы Илью звать, низко кланитьце.

Ай приходят в пещеры-ти спасёныя;

Ему кланеитце князь Владимир-от низкóй поклон:

— Ты прости меня, старая старыньшина,
Уж ты славной мой казак да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиць,
Ты прости, прости меня всё виноватого!

Говорил-то тут Илья, да Илья Муромець:

— Тебя бог простит, да красно нашо солнышко,
Тебя бог простит, да всё Владимир-князь!
Не своим-то ты умом да дело здумал делати:
Насказали-то тебе бояра кособрюхия.

Он ведь скоро выходит из пóдкопов — пещёр спасёных,
А служили всё обедни-то да со молебнами,
Со молебныма всё, с панафидами,
Що во тих ли во божьих церквях соборных,
Во соборных церквях да богомольных,
Що у тих ли у попов, отцей соборных.
Ай приходят во полаты из божьей церкви,
Он садит-то всё Илью да всё за дубовой стол,
Наливает ему цярочку всё зелёна вина,
Зелёна-та вина цяру полтора ведра;

Он ишшѣ-то наливает пива пьяного,
Пива пьяного ему да полтора ведра;
Он ишшѣ-то наливает меду сладкого,
Меду сладкого он да полтора ведра.
Ишше стал-то тут Илья всё поговаривать;
Сшевелились у ёго всё могуці плечи,
Розыгралась-то в ём силушка великая,
Всѣ велика-та сила богатырская;
Он ведь скоро ведь стават всё на резвы́ ноги.
Он ведь скоро тут выходит всё из-за дубовá стола;
Он молилсе-то всё тут богу-господу,
Всѣ царици-то небесной, божьей матери,
Благословлялсе всё у князя со княгиною;
Он как скоро выходил сам на широкой двор,
Говорил скорó такі да реци горькия,
Реци горьки говорил да всё обидилсе:
— Тебе бог тебе судья, ты нашо красно солнышко,
Красно солнышко, Владимир славной киевської!
Розлуцил ты всё меня да со добрым конем,
Со добрым меня конем всё с Воронѣюшком!
Ай выходит на ширóку светлу улочку;
Он понес только в руках одну востру́ саблю,
Он ишше понес в руках всё палицю свою цяжолою,
Он цяжолу-ту палицю всё сорока пудов;
Он ишшѣ же понес копье всё брузаменьское.
Недалѣко отошел от города от Киева:
Тут бежит-то всё ёго да бежит доброй конь,
Бежит доброй ёго конь всё Воронѣюшко;
Обнимат своёго ножками любимого хозяина,
Говорит своим язы́ком целовеческим:
— Я ходил-то, всё я бегал по зелёным лужкам.
Всѣ я кушал-то траву, траву шолкóвую,
Уж я пил-то всё свежѹ воду ключóвую,
Я не мог забыть любимого хозяина,
Я своёго-то всё старую старыньшину,
Я того ли всё Илью, да Илью Муромця,
Илью Муромця я, сына Ивановича,
Во сегодѣшной-он мне да во денѣцек-от
Приоткрылась мне дорожка токо к Киеву.

Тут садилсе доброй молодец всё на добра коня,
Он поехал во те ли степны́ леса Саратовы,
Из тёмных из тех лесов всё на круту горú,
Що на ту-то на круту горú на Арависькую,
Арависькую на гóру на укатисту.
Выезжал-то тут Илья, да Илья Муромець,
Посмотрял с стой горы во трубоцьку подзорную;
Хоть-то думат доброй молодец, роздумыват:
— Этой силы на добром коні мне-ка будёт не обьехать,
Как серú-ту всё волку́ будёт не обёжать.

Помолилсе на восток всё богу-господу
Он во ту ли во востоцьню всё в стороноцьку
Ко тому ли ко манáстырю спасёному,
Ко тому ли ко Онтонию, Феодóсею.
Да поехал-то он тут да доброй молодець,
Ишше конь-от у ёго да как сокóл летит,
Що Илья-та на коні да всё розмахиват
Он своей-то всё он палицей тяжолою;
Он всё палицёй-то бьет-то силу, всё саблём секет,
Он копьем-то колет, больше конь топцет.
Он ведь сутоцьки бил силу, други пошли,
И други-ти пошли сутки, третью́ пришли;
Он добралсе до самóго царя Кáлина;
Говорит-то он ёму да таковы слова:
— Тепер буду у собаки я кожу с живá сдирать,
Отмешшу разве тебе, собака, я слово похвальнёё;
Да не нать бы тебе, собака, всё хвалитисе,
Передí-то страшать князя Владимира!
Ты пецéлил всё у мя моёго красна солнышка,
Проливал ты ведь всё у ёго у князя горюци́ слёзы.
Ты тепереце, собака, у меня в руках;
Я не буду-ту марать свои белы́ руки
О того я поганого тотарина,
О того ли о собаку царя Каина,
Я приму тебя, возьму я на вострó копье,
Ростопцю тебя за то, возьму своим добрым конем.

Он убил-то тут собаку царя Каина,
Он убил-то у ёго сына любимого;
Он убил-то у ёго зетя любимого;

Не оставил-то он силушки на сѣмяна.
Богатыри-ти там ведь спят в шатрах, не ведают,
Они спят в шатрах да всё не знают-то.
Поехал Илья Муромець во Киев-град;
Приезжает он ко князю ко Владимиру,
Приезжает ведь он всё на широкой двор;
Он ведь бросил востру саблю, не повесил ей,
Говорит-то всё ведь он своёй вострой сабли:
— Полёжи ты, моя сабелька, немножоцько,
И не служат у меня да руцьки белые,
Не могу тебя повесить-то на спичёцьку,
Я изьбилсо доброй молодець в цистом поли.
Не пивал ведь, не едал я трои сутоцьки.

Тут услышали скоробь ведь всё придверницьки,
У ворот-то ведь да всё приворотницьки,
Донесли-то скоробь они ласковому князю всё Владимиру,
Що приехал осударь наш Илья Муромець.
Говорили-то они князю Владимиру:
— Он приехал ведь у нас всё голоднёхонёк.

И идет-то скоро красно нашо солнышко,
На широким двори у нас россветило,
Со своей-то со княгиной с Опраксею с королевисьню.
Как берут-то Илью да за белы руки,
Обнимаёт князь Владимир-от за шею за белу его,
Прижимает он к своему к ретиву сердцю:
— А ведь цим теперь-то я тебя дарить буду,
А дарить-то всё я буду, цим ударивать?
Наградить надоть наградушкой тебя великою.

Говорит-то ведь старой казак Илья Муромець:
— Мне ненадобно твои-ти, князь, подароцьки;
Заслужила мне-ка Опраксея-королевисьня,
Що избавила меня от смерти всё от скорою,
Що от смерти мне скорою от голодною.

Говорил-то князь Владимир таковы речи:
— Я могу сделать тебя князем, боярином.
— Мне ненадобно на сём свети слава сосветная;
Я не буду жить да на двори у тя,
Я не буду слушать-то бояр всё кособрюхиих,
Лучше буду я ездить по цисту полю.

Собирал-то для ёго-то нашо красно солнышко,
Ишше ласковой князь да всё Владимир-свет,
Собирал-то для ёго всё пир великой-от
А й на целую неделку поры-времени;
Щобы собрать-то всех могуциих богатырей,
Щобы собрать-то всех князей да щобы бояров.
Щобы всех простых хрисьян прожитоцных,
Щобы за здравье щобы ели, пили, кушали
Не за князя щобы, не за княгину-ту, —
Щобы за славного могуцёго богатыря.

*(Записано А. В. Марковым 19 июня 1899 года на Зимнем берегу Белого моря
в деревне Нижняя Золотица от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.)*

Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф.
В. Ф. Миллера. М., 1901.